

Вячеслав Денисов

Я НИКОГО НЕ ХОТЕЛ УБИВАТЬ

криминальный детектив

Вячеслав Денисов

**Я никого не хотел убивать.
Криминальный детектив**

«Издательские решения»

Денисов В. В.

Я никого не хотел убивать. Криминальный детектив /
В. В. Денисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835979-8

«...Слух о таинственной смерти мужчины, обнаруженного в одной из коммунальных квартир Мурманска, где на фоне его разлагающегося трупа было совершено хладнокровное убийство ещё трёх женщин, разнёсся по всему городу с невероятной скоростью...»

ISBN 978-5-44-835979-8

© Денисов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Я никого не хотел убивать Криминальный детектив

Вячеслав Вячеславович Денисов

© Вячеслав Вячеславович Денисов, 2018

ISBN 978-5-4483-5979-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я никогда не считал других людей глупее себя, но этот самонадеянный Пинкертон, который бесцеремонно вошёл в квартиру моей любовницы, с единственным желанием: как можно скорее упрятать меня за решётку, не только понравился мне с первого взгляда, но и почему-то не вызвал в моей душе неадекватных эмоций.

– Вы наверняка догадываетесь, по какому вопросу вас доставили в следственный отдел? – спустя некоторое время, поинтересовался он.

– Не имею ни малейшего понятия! – коротко ответил я, окинув его невозмутимым взглядом.

Передо мной стоял высокий, стройный мужчина в классическом костюме тёмно-синего цвета, выполненном в итальянском стиле, состоящем из прямых брюк, пиджака до середины бедра и жилетки дополненной белой рубашкой с отложным воротником и строгим атласным галстуком. На вид ему было лет пятьдесят, а то и чуть больше. У него были совершенно седые, коротко остриженные волосы, правильные черты лица, прямой ровный нос и выразительные карие глаза. Его опрятная внешность невольно вызвала у меня уважение. Однако будь он в форменном обмундировании, то наверняка выглядел бы гораздо солиднее. При этом он явно не относился к тем мужчинам, которые постоянно жаждали любовных приключений и наверняка был самым, что ни на есть, порядочным семьянином, хорошим отцом и верным любящим супругом.

– Кабанов Юрий Александрович! – представился он, упустив специальное звание и прочие регалии.

Я лишь ухмыльнулся ему в ответ, демонстративно показывая всем видом, что ни его фамилия, ни его должность не имеют для меня ни малейшего значения. Относительно его специального звания, у меня не возникло никаких сомнений. Как минимум, он был майором юстиции.

– Неужели до сих пор не догадываешься, по какой причине мне и моим коллегам пришлось разыскивать тебя по всему городу и провести экстренное задержание? – резко перейдя на «ты», полюбопытствовал он.

– К чему весь этот пустой бессмысленный разговор? – резонно, отмахнулся я. – Мне двадцать девять лет и давно вырос из юношеского возраста! Я достаточно хорошо осведомлён, что у вас, у следователей, даже к самым добропорядочным и законопослушным гражданам постоянно одни и те же претензии...

– В каждом честном человеке пытаемся разглядеть потенциального преступника... – взметнув брови, с чувством лёгкого негодования, добавил он.

– Во всяком случае, на мой счёт ты глубоко заблуждаешься! – вспыхливо заявил я. – Мне неизвестна истинная причина моего задержания, но не сомневаюсь, что произошла чудовищная ошибка.

– Ещё скажи, что из-за этого у меня могут возникнуть крупные неприятности! – равнодушным тоном, произнёс Кабанов.

Я не мог не заметить, что он не сомневался в собственной правоте. Юрий Александрович был свято уверен в том, что ему удалось задержать опасного преступника, которого несколько дней подряд разыскивали буквально все представители правоохранительных органов не только Мурманска, но и всего Кольского полуострова.

– Действительно не понимаю причину моего нелепого задержания! – возмутился я. – Если всему виной моё недавнее ресторанное знакомство с Ниночкой Прудниковой, так могу заверить, что я не альфонс, презирающий всякую работу и живущий за счёт обманутых женщин.

– Тебя не прельщают её личные сбережения?

– Нет.

Я посмотрел ему прямо в глаза и решительно добавил:

– Так же меня не интересуется её просторная трёхкомнатная квартира, расположенная в самом центре города.

– Ещё скажи, что у тебя на её счёт вполне серьёзные намерения...

В его голосе прозвучала откровенная ирония, но это не сбilo меня с толку. Я отлично понимал, что мои любовные похождения его абсолютно не интересовали. Слухи о загадочной смерти мужчины, обнаруженного в одной из коммунальных квартир, где на фоне его разлагающегося трупа было совершено хладнокровное убийство ещё трёх женщин, разнеслись по всему городу с невероятной скоростью. Столь ужасное преступление, произошедшее в Мурманске, не могло не взбудоражить местное население, и тем более, не могло не заставить самых лучших следователей по особо важным делам вплотную заняться своими прямыми обязанностями.

– Может, ты сам имеешь виды на молоденькую смазливую вдову, а теперь, пользуясь служебным положением, решил избавиться от меня как от основного соперника? – цинично предположил я.

Он непроизвольно проскрипел зубами, но благоразумно оставил моё замечание без ответа.

– В любом случае, большое спасибо за то, что не унизил меня в её присутствии! Не стал кричать, не повалил на пол и не начал выворачивать руки. Даже не соизволил надеть на мои запястья стальные браслеты... – поблагодарил я.

– Мне стало, её искренне жаль! – сухо ответил Кабанов. – У неё ещё будет возможность узнать о твоей скрытной звериной сущности!

– Время нас рассудит! – скептически ухмыльнувшись, подметил я. – Очень скоро наступит момент, когда тебе придётся принести мне официальное извинение.

Юрий Александрович подошёл ко мне так близко, что я невольно ощутил исходящий от него аромат дорогого французского одеколona.

Это вряд ли... – нахмурившись, пробурчал он.

Его самоуверенность не имела границ, но я тоже был не так прост, каким мог показаться на первый взгляд. Разумеется, Кабанов располагал на мой счёт некоторыми подозрениями, но у него не было, да и не могло быть, серьёзных доказательств моей причастности к столь жестокому убийству ни в чём неповинных людей.

– Не понимаю, зачем было нужно устраивать весь этот балаган? – сохраняя хладнокровное спокойствие, поинтересовался я. – Мог вызвать повесткой и в тихой спокойной обстановке имел бы возможность получить ответ на любые интересующие тебя вопросы.

Заложив руки за спину, Кабанов озадаченно посмотрел на меня. В этот момент мною овладела паника, но уже через долю секунды я сообразил, что моя тревога не имеет под собой твёрдой почвы. При всём желании он не мог предъявить мне серьёзных обвинений.

– Если ты действительно, столь изощрённым образом решил защитить Ниночку от возможных неприятностей, то все твои старания абсолютно напрасны! – заверил я. – То обстоятельство, что проживаю вместе с ней под одной крышей, не является нарушением норм гражданского процессуального права.

Судя по выражению его лица, я поставил Юрия Александровича в затруднительное положение. Чтобы окончательно сбить с него спесь, я резко повысил голос и назидательно произнёс:

– Это не запрещено законом!

– Нет, не запрещено, – насупившись, согласился он. – По крайней мере, до тех пор, пока она не стала жертвой твоих махинаций.

Я заметил под его глазами тёмные круги и непроизвольно обратил внимание на тот факт, что Юрий Александрович выглядел чрезмерно уставшим.

– Не надейся обвинить меня в чём-то подобном! – несмотря на личную симпатию к этому человеку, грубо ответил я. – Можешь мне не верить, но Ниночка повлияла на моё сознание самым благоприятным образом и заставила по иному, взглянуть на мою никчёмную холостяцкую жизнь.

– Даже готов на ней жениться?

Мне стало немного не по себе от напряжённого выражения его лица и резкости тона.

– Причём, абсолютно бескорыстно... – вспыхливо, ответил я.

– Не верю ни единому твоему слову! – всё так же дерзко, предупредил он.

На его лице отразилось некое подобие саркастической ухмылки, а в его глазах я прочитал то, о чём он не решился произнести вслух.

– Можешь мне не верить, но я встретил женщину своей мечты, которую полюбил с первого взгляда!

– И готов навечно связать с ней свою судьбу?

Я решил не отвечать на его бестактный вопрос, и лишь окинул с ног до головы пренебрежительным взглядом. Разумеется, я отлично понимал, что он вполне осознанно вёл весь этот никчёмный разговор, ради того, чтобы притупить мою бдительность.

– И как давно ты с ней знаком? – не обращая внимания на мои вспыхнувшие амбиции, настойчиво полюбопытствовал Юрий Александрович.

– Чуть меньше недели, – откровенно признался я.

– Ах, да... Ты уже говорил, что у вас было ресторанное знакомство... – зачем-то подметил он.

Кабанов упорно продолжал скрывать истинную причину моего задержания. Я не только не торопил его перейти к решительным действиям, но и всячески старался ему подыграть.

– Да, но это ничего не значит! – заверил я, продолжая изображать из себя настоящего недоумка. – Повторяю в который раз, у меня самые серьёзные намерения! Я безумно влюблён...

– Свежо придание, да верится с трудом? – холодно произнёс Юрий Александрович.

– Это ещё почему? – возмутился я.

– Как волка не корми, всё одно в лес смотрит...

Внешне он по-прежнему сохранял хладнокровное спокойствие, хотя внутри у него всё кипело и бурлило.

– Верить мне или не верить, твоё личное дело! – съязвил я. – Давай останемся каждый при своём мнении.

Я выдержал непродолжительную паузу, а затем рассудительно добавил:

– Признайся, Юрий Александрович, по отношению ко мне, ты конкретно лоханулся! Даже в том случае, если в самое ближайшее время, у нас с Ниночкой что-то не заладится, и мы будем вынуждены расстаться, это никоим образом не должно кого-то волновать!

– Уверен?

Я демонстративно откинулся на спинку стула и вызывающе произнёс:

– Преднамеренно или нет, но ты явно превысил свои служебные полномочия. Не забывай, что воспользовавшись конституционным правом, я имею возможность обжаловать твои действия в вышестоящей инстанции.

– Напишешь жалобу на имя прокурора области? – поинтересовался он иронично и в то же время сухо.

– Во всяком случае, обязательно укажу, что подобными необдуманными действиями ты препятствовал моим добрым намерениям вступить в законный брак и, возможно, тем самым помешал созданию крепкой полноценной семьи.

– Разрушил одну из основных ячеек нашего общества... – съязвил Кабанов.

Я злорадно посмотрел на него и угрожающе добавил:

– Ты напрасно меня задержал! Вряд ли вышестоящее руководство похвалит тебя за проявленное усердие...

– Ну, это ещё посмотрим! – отмахнулся Юрий Александрович. – К тому же, мне не нужна ничья похвала. Я сам себе начальник...

После этого высказывания я невольно подумал о том, что он добился значительного продвижения по служебной лестнице. Во всяком случае, вёл себя далеко не как заурядный следователь, которому по выслуге лет присвоили специальное звание майора. На каждом погоне, он имел не менее двух больших звёздочек.

– В таком случае, не принимай меня за круглого идиота! – вспыхнул я. – Сомневаюсь, что тебя интересуют мои амурные похождения. Следственный отдел, это не полиция нравов.

– Ты абсолютно прав! – согласился Кабанов. – Меня не интересует ни твоё прошлое, ни твои грандиозные планы на будущее. Меня интересует настоящее...

Я выказал искреннее изумление, применив при этом природный дар артистизма.

– Интересно, и что же стало причиной столь пристального внимания к моей неприметной персоне? – раздражённо осведомился я.

– На самом деле не догадываешься, по какой причине тебя задержали?

– Нет, не догадываюсь! Мало ли какие странные мысли могли прийти тебе в голову?

Ради того, чтобы окончательно собраться с мыслями, я сделал вид, будто от нахлынувшего возмущения у меня перехватило дух.

– Возможно, тебе попросту не понравилась моя физиономия? – вызывающе, продолжил я, и тут же добавил: – Во всяком случае, не чувствую за собой никакой вины.

– Хочешь сказать, что ты честный, законопослушный гражданин?

– Вот именно...

– Ну, ну... – меланхолично изрёк он. – Тебе верить, себя не уважать!

Я посмотрел на него с вызовом и с трудом удержался, чтобы не выругаться отборным трёхэтажным матом.

– Тем ни менее, не совершил ничего предосудительного! – запротестовал я.

– Ты так считаешь?

– Уверен!

Юрий Александрович соорудил гримасу и, пожав плечами, назидательно изрёк:

– Меня бы только порадовало, будь это правдой, но я не верю в искренность твоих слов.

– Верить или нет, твои проблемы! – грубо отрезал я. – Или говори прямо, в чём меня подозреваешь, или...

Я вновь выдержал короткую паузу, затем более сдержанно сказал:

– Ты гораздо старше меня, но ведь и я тоже, какой-никакой, а всё-таки жизненный опыт имею. Ни к чему ходить вокруг да около...

Юрий Александрович сначала нахмурил брови, затем глубоко вздохнул и, просверлив меня испепеляющим взглядом, с холодной вежливостью произнёс:

– Меня интересует ответ, вот на какой вопрос...

Он подошёл к рабочему столу. Грузно опустившись на кожаное кресло, зачем-то переложил папку с документами с одного края на другой и внезапно спросил:

– Ты знаком с гражданкой Лихачёвой?

– Если имеешь в виду Татьяну Зиновьевну, то мы с ней давние друзья, – не моргнув глазом, ответил я.

– Даже так... – изумлённо, протянул Кабанов.

Вероятно, моё признание стало для него полной неожиданностью. Он непременно рассчитывал услышать от меня иной ответ, и был твёрдо убеждён, что я сразу начну отпираться, лгать и всячески изворачиваться.

– Вообще-то, для меня она просто Танюшка! – не без иронии в голосе, заявил я. – Несколько лет назад мы с ней познакомились на побережье Чёрного моря.

– Где именно?

– Вместе отдыхали в Дивноморске.

– Если быть более точным, то в курортном посёлке Дивноморское... – со знанием дела, поправил Юрий Александрович. – Этот тихий уютный посёлок расположен в двенадцати километрах к югу от центра Геленджика.

– Возможно? Я как-то не задумывался над этим вопросом. При необходимости брал такси и мчался вдоль побережья. Расстояние не имело для меня никакого значения.

– Лихачёва принимала участие в этих поездках?

– Довольно-таки редко. Она весьма своенравная женщина и предпочитала оставаться независимой.

– Как вы познакомились?

Я не удивился, услышав от Юрия Александровича вопрос, явно не имеющий отношение к моему задержанию. Он всё ещё тянул время, продолжая притуплять мою бдительность, выбирал подходящий момент для того, чтобы в конечном результате нанести основной и решительный удар.

– По воле случая, или по благоприятному стечению обстоятельств, мы снимали жильё у одной хозяйки. Тёплыми звёздными вечерами мы с Танечкой часто отдыхали на веранде. За приятной дружеской беседой пили сухое виноградное вино и дышали свежим морским воздухом. Постепенно, между нами завязались близкие отношения.

– Очень близкие?

– Достаточно... – неопределённо, ответил я.

У меня не было ни малейшего желания, отпускать в адрес, какой бы то ни было женщины вульгарные выражения, не достойные настоящего мужчины.

– Потом мы с ней долго не виделись. Даже начал забывать о её существовании, – с напускной беспечностью, продолжил я. – Но на днях, она мне позвонила...

Юрий Александрович резко изменился в лице.

– Если можно, пожалуйста, подробнее... – заинтересованно, произнёс он.

Я сразу назвал не только точное число, но и указал время её звонка, не забыв упомянуть, что в тот самый день в Мурманске, в одной из коммунальных квартир, произошло жестокое убийство сразу нескольких человек, которое взбудоражило весь город.

– Ходили разные слухи, – как бы, между прочим, констатировал я. – Одни говорили, что наркоман убил трёх соседа, отказавшихся дать деньги на приобретение дозы. Затем, якобы, покончил жизнь самоубийством. Другие утверждали, что эти самые женщины были жертвами его постоянных сексуальных домогательств и решили разделаться с ненавистным извращенцем раз и навсегда. После совершённого возмездия между ними произошла ссора...

Я внимательно посмотрел на Юрия Александровича и, всплеснув руками, громко произнёс:

– Да кому я рассказываю? Можно подумать, что в этом, столь серьёзном заведении, никто и ничего не знает о случившемся...

– О чём у тебя с Татьяной Зиновьевной был разговор? – не обращая внимания на очередной всплеск моих бурных эмоций, поинтересовался Кабанов.

– Мне кажется, что подобный вопрос лишён элементарной этики и переходит все рамки приличия! – дерзко огрызнулся я. – Мало ли о чём мы с ней могли болтать?

– А всё ж таки?

– Категорически отказываюсь отвечать на подобную тему! – почти выкрикнул я. – Если такой любопытный, пригласи Татьяну Лихачёву сюда в кабинет. В её присутствии, и лишь

после того, как она позволит мне рассказать о нашем состоявшемся разговоре, я с превеликим удовольствием изложу его в самых мельчайших подробностях...

Юрий Александрович вновь переложил папку с документами на прежнее место. Потом легонько постучал карандашом по краю стола, затем внимательно посмотрел на меня и отрешённо произнёс:

– Именно в тот день, когда Татьяна Зиновьевна Лихачёва разговаривала с тобой по телефону, она погибла...

Мне пришлось изрядно потрудиться над тем, чтобы я смог достоверно изобразить на собственном лице неподдельное изумление.

– Этого не может быть! – решительно опротестовал я. – Какая-то ерунда...

Я не спешил выразить ни сожаление по поводу её смерти, ни элементарной растерянности. Я вёл себя так, словно на меня внезапно вылили ушат ледяной родниковой воды, и от этого, какое-то мгновение я никак не мог сообразить, что происходит. Я даже не сразу решился уточнить, где именно, при каких обстоятельствах, и каким образом она погибла.

– К сожалению, это правда! – тяжело вздохнув, заверил Кабанов.

Ради того, чтобы ещё раз подтвердить мою непричастность к нашумевшему преступлению, я вновь взглянул на Юрия Александровича невинным открытым взглядом.

– Видимо, угодила под автомобиль? – с притворной растерянностью, выдавил я из себя.

– Почему так решил?

– Когда она мне позвонила, то была очень взволнована, хотя всячески пыталась это скрыть. Ничего удивительного, если в таком состоянии решила перейти улицу в неполюженном месте.

– Нет. Её убили дома, в собственной коммунальной квартире.

Я продолжал делать вид, будто его трагическое сообщение стало для меня неожиданной новостью. Преднамеренно выдержав паузу, я отрешённо произнёс:

– Так значит, Танечка была одной из тех несчастных женщин?

Кабанов продолжал смотреть на меня глазами горного орла, преследующего потенциальную жертву. Но он даже не догадывался о том, что я заранее предвидел ход его мыслей и заведомо обдумал план своих дальнейших действий. Каким бы я был кретином, если бы начал отрицать свою причастность к телефонному разговору с Татьяной Лихачёвой! Только настоящий идиот, мог допустить столь опрометчивый поступок. Даже самый неопытный следователь, обнаружив в одной коммунальной квартире одновременно несколько трупов, в первую очередь затребовал бы в компаниях сотовой связи распечатку всех входящих и исходящих звонков, имеющих прямое отношение к той или иной жертве уголовного преступления. Именно по этой веской причине я не видел смысла отрицать очевидное.

– Ума не приложу, кому и зачем понадобилось её убивать? – почти полушёпотом произнёс я, так и не дождавшись от Юрия Александровича вразумительного ответа на мой предыдущий вопрос. – Когда она позвонила мне по телефону, то кроме незначительных фраз о некоторых изменениях произошедших в нашей жизни, мы с ней больше ни о чём серьёзном не упоминали.

– Может, промелькнуло что-то неестественное в манере ведения этого разговора или хотя бы в интонации голоса? – поинтересовался Кабанов.

– Я чувствовал, что у Татьяны были какие-то неприятности, но она ни на что не жаловалась. В основном рассказывала не столько о себе, как о единственной дочери. В следующем году её Леночка заканчивает учёбу в нашем педагогическом университете. Она круглая отличница. Татьяна гордилась её успехами...

Произнося эти слова, я невольно заметил, как Юрий Александрович тщетно боролся с нахлынувшей на него сонливостью. Его глаза то и дело медленно закрывались. Несколько

суток, проведённых в непрерывном поиске опасного преступника, не могли не сказаться на его самочувствии.

– Вообще-то, большей частью, мы с Танечкой вспоминали о прошлом. Наш совместный отдых на побережье Чёрного моря оставил неизгладимые впечатления... – добавил я, следуя за ходом собственных мыслей.

По-прежнему находясь за рабочим столом, Кабанов машинально потёр слипающиеся веки, глубоко вздохнул и ненавязчиво спросил:

– И всё-таки, ты заметил, что она была взволнована?

Как в спокойном рассудительном характере, манере держаться, так и во внешнем облике Юрия Александровича, действительно было нечто такое, что постоянно вызывало во мне откровенное уважение. Несмотря на то, что он мог на долгие годы отправить меня в места не столь отдалённые, я по-прежнему не испытывал к нему ни малейшего чувства неприязни.

– Может так, а может, и нет? – лаконично ответил я. – Она могла находиться в плохом самочувствии. Возможно, болела голова от перепадов давления, или ещё что-то в подобном роде...

– Как долго ты был у неё в гостях? – внезапно поинтересовался Кабанов.

Он говорил очень тихо, почти приглушённо, но мне показалось, что его слова громким эхом разнеслись по всему кабинету.

– Я ведь уже сказал, что намерен остепениться и связать свою жизнь с любимой женщиной. Прудникова Ниночка, замечательная хозяйка! Сама шьёт, вяжет... – как можно сдержаннее, ответил я. – Она готовит такие изумительные деликатесы, что пальчики оближешь! А как она хороша в постели...

– Ты что-нибудь сказал Лихачёвой о своей новой подруге? – не позволив мне договорить, поинтересовался Кабанов.

– И да, и нет... Кое-что, разумеется, скрыл. Ей совсем не обязательно было знать, что я до сих пор, словно пушинка гонимая шквальным ветром, продолжаю бесцельно мчаться по бескрайним просторам моей беспутной жизни.

– Ты не знаешь, по какой причине Татьяна Зиновьевна решила возобновить почти забытые давние отношения и связаться с тобой по телефону?

– Она не сказала ничего определённого, но в тот день её голос действительно был слишком взволнованным. Я уже говорил, что у неё могли быть какие-то личные проблемы...

– Неужели, правда, даже не поинтересовался, что случилось?

– Нет. Я не из любопытных. К тому же, не люблю лезть людям в душу.

– Ты наверняка договорился с ней о встрече?

– Это не я, а Татьяна хотела меня видеть. Она предложила посидеть с ней в кафе, но больше так ни разу не позвонила.

– В каком кафе?

– Она этого не сказала. Хотела, чтобы я отпросился с работы на следующие сутки в первой половине дня. Желательно, до обеда...

– Насколько мне известно, ты нигде не работаешь. Вернее, довольствуешься случайными заработками...

– Татьяна об этом ничего не знала. Она была уверена, что я сотрудник уголовного розыска...

Юрий Александрович невольно поперхнулся. Его глаза округлились, а сам он, на какое-то мгновение даже потерял дар речи.

– И кем же ты ей представился? – не переставая удивляться моей несусветной наглости, спросил он.

– Старшим следователем по особо важным делам...

– Почему не Генеральным прокурором или министром юстиции Российской Федерации?

Он с негодованием посмотрел на меня.

– Сказал первое, что взбрело мне в голову, а потом не решился открыть ей правду. Если говорить честно, познакомившись с ней в Дивноморске, я был поражён как стройностью её точёной фигурки, обрамлённой яркими лучами полуденного солнца на фоне морской волны, так и складом её ума. Она была не только привлекательной женщиной, но и весьма приятным интересным собеседником.

– Другими словами, она тебе сразу понравилась? – недоверчиво уточнил Юрий Александрович.

Я неопределённо пожал плечами, сделал глубокий вздох и с наигранным сожалением в голосе произнёс:

– После нашего телефонного разговора, я неоднократно пытался до неё дозвониться, но потом подумал, что она решила свои проблемы и у неё отпала всякая необходимость со мной встречаться. Во всяком случае, её мобильник был либо выключен, либо она постоянно находилась в не зоны действия сети.

– О том, что Татьяна Зиновьевна общалась с тобой по телефону четыре дня назад, и о том, что ты пытался до неё дозвониться, мне хорошо известно, – строго произнёс Кабанов. – Есть распечатка её телефонных звонков.

«Кто бы в этом сомневался?» – мысленно констатировал я, скрывая всплеск моих эмоций.

Юрий Александрович выглядел чересчур задумчивым. Ход моего допроса явно проходил не по его сценарию.

– Получается так, что ты с ней дружил, а вот где она проживала, не имеешь ни малейшего понятия? – вновь, словно невзначай, спросил он.

– Ни разу не был у неё в гостях! – твёрдо заявил я. – Но знаю, что она жила где-то в Ленинском округе северной части города. Недалеко от Семёновского озера.

Несмотря на то, что я рисковал слишком многим, а на кон была поставлена не только моя свобода, но возможно и вся моя дальнейшая жизнь, я всё же таки вызывающе произнёс:

– Если следовать цепи логических заключений, основанных на моём внезапном задержании и сопоставлению кое каких предположений, то нетрудно догадаться, что это именно тот дом и та квартира, где было совершено жестокое убийство одного мужчины и нескольких женщин...

На какое-то мгновение я замолчал, наблюдая за тем, как он нервно покусывал нижнюю губу, затем решительно добавил:

– Причём, мужчина был убит гораздо раньше. Как минимум, за двое суток до того момента, как были убиты женщины...

Мне даже показалось, что у Юрия Александровича отвисла челюсть. Его коротко остриженные волосы, невольно напоминали вздыбленные иголки ёжика, а сам он был каким-то потерянным, если не сказать озадаченным. В его выразительных карих глазах вспыхнуло раздражение, которое он не пытался скрыть. То обстоятельство, что буквально последние дни я неоднократно перезванивал Татьяне Лихачёвой, было лишним подтверждением моего алиби. Если настойчиво набирал номер её мобильного телефона, то никоим образом не мог знать о её трагической гибели.

– Давай отбросим в сторону лирическое вступление и поговорим совершенно серьёзно, – нарушив мою мимолётную задумчивость, предложил Кабанов.

Я вопросительно посмотрел на него.

– Подозреваю, что это именно ты причастен не только к убийству Татьяны Зиновьевны Лихачёвой, но и к другим жертвам, обнаруженным в её коммунальной квартире! – напрямую выдал он.

Несколько секунд мы, молча, смотрели друг на друга неподвижным пронизывающим взглядом. Я первым решил нарушить гнетущую тишину.

– Хочешь сделать из меня козла отпущения? – преднамеренно дерзко, вспылил я. – У тебя ничего из этого не выйдет. Я не настолько глуп, насколько прикидываюсь.

– Не строй из себя невинную овечку! – ровным спокойным голосом отпарировал Юрий Александрович. – У меня, кроме моего многолетнего профессионального опыта и моей интуиции, пока нет против тебя никаких косвенных улик, но стоит найти хоть малейшую ниточку, как я смогу за неё уцепиться и постепенно сумею распустить весь клубок твоих хитросплетений.

Он вызвал дежурного и приказал доставить меня в изолятор временного содержания. Уже выходя из кабинета, я вновь услышал его голос.

– Не позднее как через пару часов ты начнёшь давать признательные показания! – самоуверенно произнёс Кабанов.

Чтобы не походить на бесцельно тьявкающего щенка, я решил оставить его слова без ответа. Лишь ради того, чтобы он не переоценивал свои возможности и не был слишком высокого мнения о себе, я дерзко ухмыльнулся и окинул Юрия Александровича надменным взглядом.

Глава 2

Оказавшись в одиночной камере, мне представилась изумительная возможность не только поразмыслить обо всём произошедшем, но и как следует подумать о моих дальнейших действиях на будущее. Ещё до откровенного признания Кабанова Юрия Александровича, я был абсолютно уверен, что ни он, ни его подчинённые, не имели против меня не только прямых, но и хотя бы каких-нибудь косвенных улик. Убийство женщин было спонтанным и поэтому не поддавалось обычной логике, а труп мужчины вообще не имел ко мне ни малейшего отношения. К тому же, никто не отменял презумпцию невиновности, являющуюся одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства.

– Это не я должен оправдываться, а мне обязаны предъявить неоспоримые доказательства моей вины! – не опасаясь, что меня всё-таки кто-то может услышать, произнёс я.

Вслед за этим высказыванием, отпустив несколько колких фраз в адрес уголовного розыска, я небрежно развалился на нарах и, подложив ладони под голову, невольно задумался.

– Если не хочешь получить пожизненный срок, то постарайся вспомнить всё до мельчайших подробностей, – пробурчал я, обращаясь непосредственно к самому себе. – Главное, убедись, что ты нигде не наследил...

Для того чтобы свет электрического фонаря не мешал мне думать, я плотно закрыл глаза и мысленно вернулся в не столь отдалённое прошлое, которое уже повлияло на мою судьбу, и в корне должно было изменить всю дальнейшую жизнь. Теперь, эта самая жизнь, целиком зависела от меня. Собственными ответами я мог превратить её либо в цветущий рай, либо в сущий крошечный ад.

В тот роковой день, я долго нежился в постели. Меня посещали тягостные мысли насчёт моего нестабильного положения в роли жалкого альфонса, но помимо всей этой ерунды, приходили на ум и чисто философские размышления.

«Если мужчина не способен удовлетворить женщину, то он импотент. А если наивно считает, что все женщины одинаковы и похожи между собой как начищенные медные монетки, то он круглый идиот, либо далёк от истины и в своей жалкой никчёмной жизни так и не понял, что именно в этих милых хрупких созданиях заключено всё самое обворожительное, таинственное и непознанное! Мысли и поступки этих представительниц самой прекраснейшей половины человечества, никогда нельзя предвидеть и невозможно заранее предугадать. В любом возрасте, даже самая кроткая, казалось бы, неприметная на вид женщина, всё равно в глубине чистой и светлой души имеет что-то особенное: необъяснимое и оригинальное, неосязаемое и привораживающее. Даже при негативных обстоятельствах, её глаза, уставшие и печальные, всё равно будут смотреть добрым и нежным взглядом. При желании, она способна с невероятной лёгкостью очаровать любого мужчину, привлечь его внимание и при этом остаться чуточку кокетливой и до конца неразгаданной загадкой!» – подумал я, прислушиваясь к гнетущей тишине и убедившись, что моей очередной любовницы нет дома.

Ниночка ушла, чисто по-английски, не попрощавшись! Это обстоятельство меня не только не смутило, а даже наоборот, немного обрадовало. Теперь, какое-то время, никто не будет путаться у меня под ногами, греметь эмалированными кастрюлями, фарфоровыми чашками и мельхиоровыми ложками, постоянно перекладывая их из одного шкафчика в другой. Хотя, в принципе, прежде чем уйти, она могла бы меня разбудить, тем более что мы были малознакомы, и я впервые остался у неё ночевать. По вполне понятным причинам, за всю ночь мне так ни разу не удалось сомкнуть глаз. Я смог уснуть лишь ранним утром, и в отличие от неё, проспал до двенадцати часов дня.

– Впрочем, дорогая, это твоё личное дело, – полушёпотом разговаривая с самим собой, саркастически произнёс я. – Если появилось непреодолимое желание самостоятельно принести

домой тяжёлые хозяйственные сумки, до краёв наполненные всевозможными продуктами, то флаг тебе в руки!

Мельком взглянув в зеркало на опухшую ото сна физиономию, я вдруг вспомнил, что ещё накануне вечером моя ресторанный подруга собиралась приобрести лёгкое прозрачное полотно для новых гардин в гостиную комнату. Тогда я не придавал этому большого значения, посчитав, что Ниночка находилась в некоторой эйфории от моего присутствия. Она пригласила в дом постороннего мужчину и вполне могла быть немного растерянной и даже чуточку взбалмошной.

– Эти древние как мир, укороченные до подоконника шторы, мне изрядно надоели, – заявила она, с обеспокоенным выражением на лице. – Они давно вышли из моды, не гармонируют с цветовым оформлением и абсолютно не подходят к интерьеру. Они постоянно меня раздражают...

Нина произнесла эти слова таким укоризненным тоном, словно я был её законным супругом и запрещал что-либо менять в квартире.

– Впрочем, разговаривать с тобой абсолютно бесполезно. Вы, мужчины, все одинаковы и готовы жить в любом заброшенном сарае. Главное, чтобы обязательно была охапка сухой соломы, на которую можно прилечь и несколько свежих газет, которые можно измусолить до дыр, лишь бы только ничего не делать по дому! – взвинчено, высказалась она.

– А ещё лучше, если в захламлённом углу этого сарая будет стоять какой-нибудь допотопный телевизор, – подметил я, и тут же добавил: – Чтобы глядя на экран можно было с раннего утра и до позднего вечера быть в курсе спортивных обзоров.

Ниночка посмотрела на меня смурным взглядом и тут же озадаченно спросила:

– Ты почему молчишь насчёт покупки материала? В чём-то со мной не согласен, или тебе совершенно нечего возразить?

Она всплеснула руками, точно так же, как белая лебедушка взмахивает крыльями, перед тем как оторваться от прозрачной водной глади и устремиться в голубую небесную даль.

– Всегда одно и то же! – возмущённо, посетовала Нина. – Не с кем посоветоваться...

На моём лице не дрогнул ни один мускул. Я продолжал играть роль стороннего наблюдателя.

– Хорошо, пусть всё остаётся на своих местах! – вспыхнула она. – Давай оставим всё как есть. Если кроме меня никому ничего не нужно, то и мне нет смысла к чему-то стремиться, чего-то усовершенствовать...

Нина осмотрела гостиную с таким обиженным видом, словно только что потеряла любимые золотые серёжки и теперь тщетно пыталась их отыскать.

– Всегда знала, что мужчинам нет никакого дела до того где и как они живут. Выбираете выгодную позицию. Вас абсолютно всё устраивает...

Я по-прежнему не обращал на её высказывания ни малейшего внимания, прекрасно зная, что при возникновении какой-либо идеи, показавшейся женщинам глобальной, они мгновенно и ярко вспыхивали, словно сухая береста, брошенная в пылающий костёр, но так же быстро угасали, если эта идея, внезапно переставала их интересовать.

– Если бы не наше стремление к наиболее цивилизованной комфортной жизни, то все мужчины, до сих пор жили в неухоженных грязных пещерах, имея менталитет первобытного человека, – возмущаясь моим абсолютным спокойствием, продолжила она. – Дай волю, вы до сих пор жили бы точно также как ваши далёкие предки во времена последнего ледникового периода.

Я упорно молчал.

– Ты что, набрал в рот воды или не хочешь со мной разговаривать? Почему всё в этом мире держится только на женщинах? Почему мы сами должны решать все хозяйственные проблемы?

Я не смог удержаться от улыбки, которая окончательно вывела её из себя. Вероятно, ей показалось, что я над ней надсмехаюсь.

– С каждым годом мой бывший супруг становился более безразличным, невыносимым. Ты меня тоже игнорируешь...

Нина опять всплеснула руками.

– Вот так всегда. Всё приходится делать самой. Господи, и почему вы все такие непрошибаемые? А ведь хотите, чтобы мы, женщины, находились рядом с вами всю свою сознательную жизнь! Вас устраивает одновременно иметь в нашем лице не только страстную любовницу, но так же бесплатную кухарку, прачку и даже заботливую няньку, как для ваших будущих детей, так и для вас самих. Мы должны посвятить вам самые лучшие годы...

Она прошла по ковру тихо и грациозно, как стройная лань по зелёной траве, потом вновь посмотрела на меня и возбуждённо спросила:

– Скажи честно, тебе что, не нужны новые гардины? Моему благоверному было жаль расставаться с нашими допотопными шторами. Они были дороги ему как память. Но тебя с ними ничего не связывает. У тебя нет на их счёт никаких воспоминаний...

Я с равнодушным видом пожал плечами, тем более что не планировал задержаться у неё на длительный срок. Я ни в коем случае, не собирался связывать с ней свою судьбу. Меня интересовала лишь любвеобильная ночь, проведённая в тёплой постели и те деньги, которые были у неё в наличии.

– Вот только представь... Тёмная гардина с подхватами на фоне жёлтой тюлевой занавески... – не обращая внимания на мою задумчивость, продолжила Ниночка.

В этот момент, я машинально сравнил её с забавной декоративной канарейкой, способной безумолку щебетать до тех пор, пока не наступят сумерки или её клетку не накроют тёмным покрывалом.

– На моём окне будет очень хорошо смотреться гардина с нейтральными тонами, – с возрастающим азартом, прочирикала она. – Ты как считаешь, какой тон лучше всего подойдёт: кремовый, бежевый или коричневый?

Я с трудом поборол желание подойти к ней и нежно поцеловать её в щёчку.

– Коричневый тон успокаивает, снимает усталость и стимулирует фантазию... – со знанием дела, сказала она, не сомневаясь в том, что я её внимательно слушаю.

После непродолжительной паузы она задумчиво произнесла:

– А может сделать длинные классические шторы из лёгкой светопропускающей ткани?

Её голос чуть-чуть дрогнул. Она заморгала ресничками и оживлённо воскликнула:

– Да. Полагаю, совсем неплохая мысль...

Я сначала неопределённо повёл бровями, потом в знак согласия кивнул головой.

– Если решил навсегда остаться у меня, и хочешь, чтобы у нас было уютно и красиво, то не нужно бояться экспериментировать, – внезапно заявила Нина. – Не следует отказываться ни от чего нового...

Я даже опешил от её слов. Во всяком случае, ещё ничего не решил и уж тем более не собирался задерживаться в её квартире на длительный срок.

– Необходимо идти в ногу со временем, – нравоучительно произнесла она.

Ниночка взглянула на меня со всем высокомерием, на которое была способна и более жёстко добавила:

– Нужно стремиться к лучшему и более позитивному, а не жить вчерашним днём, обеими руками цепляясь за прошлое. Надеюсь, ты со мной согласен?

– Да! – не задумываясь, отвёл я.

Мой ласковый, давно отрететированный любящий взгляд коснулся её пышных каштановых волос, а затем пробежал по нежному овалу её лица.

– Вот и договорились. Завтра обязательно прогуляемся по магазинам и выберем что-нибудь стоящее... – с пугающей определённой объявила она.

Вероятно, у меня на лице отразились эмоции человека, который, вместо сладкого сочного апельсина только что надкусил дольку кислого лимона. К моему неопишуемому восторгу, она тут же отменила поспешно высказанное решение.

– Или нет... – прочитала Ниночка. – Лучше, ты останешься дома, а я схожу одна. Всё равно, надеяться на твою помощь, то же самое, что ждать у моря погоды. У вас, у мужчин, полное отсутствие всякого вкуса и ты будешь мне только мешать.

– А если, по какой-то причине, мне понадобится выйти в город? – предусмотрительно спросил я.

– Возле дверей, на пластмассовом крючке висят запасные ключи, – спокойным тоном, произнесла она. – Надеюсь, ты не собираешься обчистить мою квартиру?

Благодаря моему обаянию и льстивому красноречию, Нина даже не заподозрила, что перед ней был не главный инженер конструкторского бюро, которым я представился, а почти профессиональный аферист, на чьём счету была не одна обманутая женщина. Я не считал себя альфонсом лишь по той простой причине, что никогда не обворовывал своих любовниц. Я просто жил у них до тех пор, пока не заканчивались их финансовые сбережения, и они не начинали слишком часто намекать мне о трудоустройстве.

– Умница моя! Дизайнер ты мой неугомонный... – воскликнул я, с таким восторгом, словно нашёл в собственном кармане, завалившуюся пятитысячную купюру.

Нежно поцеловав её в щёчку, я осторожно начал растёгивать молнию на её элегантно изысканном платье. Так или иначе, я весь вечер уделял ей знаки внимания, угощал сухим французским вином «Шато де Параншер», и заказывал в дорогом ресторане изысканные блюда не ради того, чтобы в итоге вместо постельных прелюдий, решать сугубо бытовые вопросы.

Теперь, когда окончательно осознал, что она вышла из дома не ради того, чтобы опустошить прилавки продовольственного супермаркета, я с некоторой грустью понял, что целлофановые пакеты с тяжёлым кочаном капусты и с несколькими килограммами картофеля, всё же таки придётся тащить самому.

«Если буквально все мои бывшие любовницы считали своим долгом в ночное время суток заниматься со мной любовными играми, а в течение дня неоднократно пытались использовать в роли дармового грузчика, то почему Ниночка не должна последовать их примеру? – машинально прикинул я. – Во всяком случае, она ничем не отличается от других женщин!»

В майке, небрежно заправленной в трико бывшего хозяина этой квартиры, и в его же шлёпанцах, накинутых на босу ногу, я вошёл в кухню и включил газ. Пока в чайнике закипала вода, успел не только побриться, но и принять холодный душ. Вновь вглядываясь в зеркало, я недовольно покачал головой и назидательно произнёс:

– Надо меньше спать на чужих подушках!

Ради интереса я попытался отыскать в густой шевелюре хоть один светлый волос, но к счастью, все мои старания были напрасны.

– Всё же таки очень хорошо, – философски констатировал я, – что в моём возрасте не стал абсолютно седым или совершенно лысым.

Мне давно было известно, что ранняя седина придаёт мужчинам некоторую элегантность, вводит женщин в заблуждение и способствует доверительным отношениям, но при этом, она в значительной степени старит своего хозяина. А ранняя лысина не только даёт намёк на гиперсексуальность, но и указывает на имеющееся предрасположение к сердечно-сосудистым патологиям.

– Какой завидный жених пропадает! – не переставая любоваться собственным отражением, восторженно произнёс я.

Из зазеркалья на меня смотрел высокий мужчина в самом расцвете лет, атлетического сложения. У него был ровный прямой нос, энергичный рот и широкий лоб. Его вихрастая чёлка густых русых волос была аккуратно зачёсана на правый бок. Над верхней губой тонким полумесяцем пробивалась чёрно-смолянистая растительность. Его голубые глаза, глубокие и пронизательные, смотрели ясным и спокойным взглядом. Это был особенный взгляд, в котором одновременно отражались как повадки свирепого хищника, так и невинная кротость небесного ангела. И хотя я не питал особых иллюзий на свой счёт, всё же, разглядывая свою внешность, был преисполнен безрассудной уверенностью в собственных силах. Весь мой вид символизировал бурлящую молодость с её неограниченной жаждой жизни. Я не отрицал тот факт, что был эгоистом. Но при этом, я был весьма благородным эгоистом! Избалованный, и в то же время, испорченный чрезмерным вниманием представительниц прекраснейшей половины человечества, и будучи уверенным в том, что весь мир находится у моих ног, я всё же не забывал, что за все удовольствия в этой жизни необходимо платить. Женщины, которые безрассудно тратили на меня свои финансовые сбережения, получали взамен страстные и поистине незабываемые ощущения. Они сознательно жаждали любви и романтических приключений, а я всего лишь способствовал осуществлению этих желаний. Я возносил их на вершину неземного блаженства и эстетического удовольствия ради того, чтобы хоть на какое-то мгновение сделать по-настоящему счастливыми.

– А ведь и впрямь, хорош! – весело подмигнув собственному отражению, вновь констатировал я. – Апостол с картины Тициана...

Насухо обтеревшись махровым полотенцем, и освежив гладко выбритые щёки приятно пахучим одеколоном, я вновь вошёл на кухню.

«Какой нынче день?» – обжигаясь, горячим душистым кофе, задумался я.

Что воскресенье, что понедельник – всё было едино. Я непроизвольно начал размышлять как о превратностях, так и о прелести беззаботной холостяцкой жизни. Впрочем, в двадцать девять лет думать о серьёзных отношениях с той или иной женщиной, было ещё довольно-таки рано. Как бы там ни было, я не торопился одеть хомут на свою шею. Вполне возможно, просто ещё не успел встретить ту единственную и неповторимую, которая бы смогла разбить моё каменное сердце и растопить лёд моей холодной души. А если говорить абсолютно откровенно, то я не был готов к серьёзным семейным отношениям. Малые сопливые дети, были для меня неприемлемы. К тому же, я не спешил стать чьим-то подкаблучником.

Глава 3

Зуммер моего мобильного телефона, не только нарушил ход моих плавных мыслей, но и прозвучал в самый неподходящий момент, когда я только что надкусил бутерброд. В том, что это мог быть кто угодно, но только не Ниночка, я ничуть не сомневался. Находясь вместе с ней в одной постели, не было необходимости в срочном порядке обмениваться сотовыми номерами.

– Слушаю вас, – монотонным голосом произнёс я дежурную фразу, неловко прижимая мобильник к правому уху.

– Ларионов Павел Николаевич? – раздался взволнованный женский голос.

– Да.

– Это вы?

– Слушаю, вас внимательно, – повторил я, искренне удивившись, что ко мне обращаются не только по имени, но ещё и по отчеству.

– Пашенька, ты меня не узнал?

– Простите, нет... – настороженно, ответил я. – Пока не узнаю...

Резкий переход женщины, говорившей на другом конце мобильной связи, с официального тона на более чем дружеский, так же не предвещал мне ничего хорошего.

– Это же я... Татьяна...

– Очень приятно, Танечка...

Судя по голосу, я пришёл к выводу, что ей было далеко за тридцать. Наверняка она с трудом могла вспомнить, когда последний раз к ней обращались в столь ласкательной форме.

– Мы с тобой вместе проводили отпуск на побережье Чёрного моря.

Я чуть не рассмеялся.

– Очень в этом сомневаюсь. К тому же, последнее время предпочитаю выезжать за границу, – сыронизировал я.

Мне не хотелось уточнять, что буквально полтора месяца назад я вернулся из Египта, где пятнадцать дней провёл в компании миловидной блондинки, щедро оплатившей мои расходы.

– Это было четыре года назад. Мы почти три недели отдыхали в Дивноморске...

– Десять суток, – уточнил я. – Тихий курортный посёлок, который находится недалеко от Геленджика.

– Всё верно. Мы с тобой снимали жильё у одной хозяйки. Помнишь, такая маленькая, толстая и вредная?

– Кто? Ты или хозяйка? – не выдержав, ухмыльнулся я.

– Полина Семёновна. Мы звали её просто тётей Полей.

– Эта тётя, на несколько лет младше меня.

– Ты её вспомнил?

– Теперь не только её. Если память меня не подводит, то сейчас я разговариваю с Татьяной Лихачёвой?

– Вот именно...

– Ты была там не одна. Вместе с тобой, отдыхала твоя дочурка.

– Да. Она всегда рядом со мной, словно мой прилипчивый хвостик...

Я на секунду задумался, затем тихо произнёс:

– Кажется, её зовут Леночкой...

– У тебя феноменальная память! – обрадованно воскликнула Лихачёва. – А ты приехал с молоденькой супругой. Вы с ней только что расписались и у вас был медовый месяц...

Я никогда ни с кем не расписывался. В тот раз познакомился в поезде с премиленькой девушкой, и мы решили совместно провести наш отдых. Вернее, решил я, а она всего

лишь была основным спонсором моего курортного романа. Но если в тот раз Татьяна Лихачёва ничего не заподозрила и не заметила подвоха, то и теперь знать правду ей было совершенно не обязательно. По крайней мере, мне было гораздо удобнее, чтобы она принимала меня за неверного супруга, изменяющего своей юной жене в связи с её неопытностью в интимных отношениях.

– Сейчас тебя действительно вспомнил, – сказал я, и тут же поинтересовался: – Если не ошибаюсь, Татьяна Зиновьевна...

– Ты звал меня просто Танюшкой. Особенно, когда нам удавалось остаться наедине...

И как же тебе, спустя столько лет, удалось меня разыскать?

– Твоя наивная супруга не догадывалась о наших с тобой отношениях. Мы на всякий случай, обменялись с ней телефонными номерами. Она никак не могла вспомнить свои последние цифры и поэтому назвала номер твоего мобильного. Мне очень нравилось с ней беседовать. Она способна поддержать любой разговор...

– Да, она у меня весьма общительная женщина. Иной раз даже чересчур общительная... – без тени смущения, произнёс я. – Но если, Танечка, ты решила с ней поболтать, то сейчас ничего не получится. Она буквально сегодня утром улетела на Мальдивы. Придётся перезвонить чуть позже...

Отлично зная женщин, способных простоять возле одного прилавка по тридцать минут, и которые не успокоятся, пока не обойдут все ближайшие магазины, я проницательно подметил:

– У меня накопилось слишком много рутиной домашней работы, но сейчас планирую прогуляться по городу...

Практически я не успел договорить, как на том конце телефонной связи сначала послышалось тихое сопение, затем раздался всё тот же взволнованный голос:

– Павел Николаевич! Мне нужны именно вы... – вновь перейдя на официальный тон, сказала Лихачёва. – Я знаю, что вы очень занятой человек. Неловко вас беспокоить, но возник щепетильный вопрос...

– В таком случае, внимательно слушаю, – высокопарно изрёк я, но тут же более мягко добавил: – Единственная просьба...

– Какая? – поспешно поинтересовалась она.

– Когда-то мы были хорошими друзьями. Не стоит устанавливать искусственную преграду в наших отношениях. У меня о тебе остались приятные воспоминания. Надеюсь, это взаимно?

– Ну, конечно...

– Тогда, давай больше не будем разговаривать друг с другом с явным отчуждением...

– То есть?

– Ты для меня навсегда останешься милой сердцу Танюшей, а я бы хотел быть для тебя попросту Павлом, и никаких Николаевичей...

– Мне как-то неудобно... – замаялась она. – Всё ж таки уважаемый человек! Высокая должность, солидное положение в обществе...

– Как сказано в одной из заповедей Моисея: «не сотвори себе кумира!» – процитировал я. – Что означает: не поклоняйся слепо кому и чему-либо, как идолу.

Несколько секунд Лихачёва обдумывала мои слова, но всё ж таки не стала выяснять моё отношение к современной религии.

– Я бы ни за что не решилась тревожить тебя по пустякам... – словно оправдываясь, сказала она.

– Слушаю очень внимательно...

– У нас несчастье...

– Если в моих силах? Как говориться, чем смогу...

– Ты же работаешь в уголовном розыске?!

У меня даже запершило в горле. Кем только не представлялся наивным женщинам, но всего лишь однажды изобразил из себя следователя. Да и то получилось как-то необдуманно, я бы даже сказал, что спонтанно.

– Служил, Танечка, оперативным сотрудником в этой правоохранительной системе. Служил, голубушка... – не моргнув глазом, солгал я.

– Сейчас уволился?

– Уже полгода как занимаюсь другими делами. Веду сугубо гражданский образ жизни...

– Наверное, перешёл в частную нотариальную контору?

– Не совсем так... – иронично, ответил я.

– Наверняка, по-прежнему ведёшь ожесточённую борьбу с криминальными элементами?

– Ни в коем случае! Даже не представляешь, до какой степени надоели их наглые физиономии... – отмахнулся я.

– Тогда, пожалуйста, извини! – огорчённо произнесла Лихачёва. – Я ведь ничего об этом не знала...

Мне стало неловко от того, что она рассчитывала на помощь пусть и давнего, но весьма влиятельного любовника, а я так бесцеремонно лишил её всякой надежды. К тому же, мне не следовало отталкивать её от себя, хотя бы с учётом на будущее. Она всегда могла пригодиться. Тем более что по моим самым скромным подсчётам, теперь была матерью совершеннолетней девушки.

– Может, всё-таки, смогу быть чем-нибудь полезен? – наиболее дружелюбным голосом, поинтересовался я.

– Теперь вряд ли...

Что случилось? – настойчиво спросил я. – Какая-нибудь неприятность с твоей дочерью?

– Упаси Господи! С моей Леночкой всё нормально. Она успешно учится в нашем педагогическом университете. Поступила на факультет журналистики и межкультурных коммуникаций. В следующем году у неё защита дипломной работы. Другими словами, у моей красавицы всё хорошо...

– Танюшка! Раз уж ты обратилась ко мне за помощью, так будь любезна объяснить причину твоего звонка, – на повышенных тонах, произнёс я. – Позволь мне, как-нибудь самому определиться, смогу быть чем-нибудь полезен или нет?

– У нас сосед пропал, – смущённо ответила она и тут же поспешно добавила: – Только ты, не подумай... У меня с ним не было ничего такого...

– Я ни о чём подобном не думаю!

– Нет. На самом деле... Мы просто живём в одной коммунальной квартире.

– Этот сосед, молодой или в возрасте?

– Да ему уже где-то под шестьдесят...

– Практически, ровесник моего отца, – машинально подметил я.

– Возможно? Даже, скорее всего...

– К сожалению, он умер от обширного инфаркта, – солгал я, либо никогда в жизни не видел своего папаша и ничего не знал о его существовании.

– Прими самые искренние соболезнования... – притихшим голосом, произнесла Лихачёва. – Не сомневаюсь, твой отец был глубоко порядочным, отзывчивым человеком.

Я чуть не сказал, что он был порядочной скотиной, но вовремя остановился.

– Женат, или просто находится в гражданском браке? – с напыщенной строгостью, уточнил я.

– Кто?

– Твой сосед, который пропал.

– Когда-то был обручён. Теперь давно в разводе...

– Может у него новая зазноба объявилась? – предположил я. – Как бы там ни было, но ведь каждый человек имеет право на личную жизнь.

– Тут такое дело, Пашенька...

– Какое именно?

– Мы с Леночкой живём в коммунальной квартире...

– Я знаю.

– Столько лет прошло с тех пор, как мы с тобой познакомились в Дивноморске, а ты всё ещё не забыл о таких подробностях. У тебя действительно отличная феноменальная память.

– Танечка! – дружелюбно произнёс я. – Ты же сама мне только что об этом сказала...

– Неужели? Извини! Совсем не соображаю, что говорю. К тому же, боюсь отнять у тебя слишком много времени.

– Ну, ты и глупышка! – усмехнулся я. – Не мели ерунды. Всегда готов оказать тебе посильную помощь!

– Не поверишь, но я вся на нервах...

Даже по телефону было слышно как она глубоко вздохнула.

– Ничего страшного! – рассудительно произнёс я. – Главное нельзя забывать, что оказавшись в самом затруднительном положении, всегда можно принять верное решение и найти выход. Необходимо лишь немного подумать.

Я умёл слушать собеседника и посмотреть на сложившуюся ситуацию его глазами. Тем более, умёл успокаивать женщин.

– Обычно Иван Никанорыч не отлучается на длительный срок. И вдруг, исчез... – пробормотала она, с оттенком явного беспокойства.

– В таком случае, у тебя не щепетильный вопрос, а скорее криминальный, – назидательно подметил я.

– Да. Наверно...

Татьяна вновь глубоко вздохнула.

– Как долго он отсутствует? – спросил я. – Неделю, месяц...

– Более двух суток...

Несмотря на моё уличное воспитание, я всё же научился оставлять о себе мнение как о культурном человеке, но здесь еле сдержался, чтобы грязно не выругаться и не послать её куда подальше.

– Танюшка, солнышко, но это взрослый человек! – скрывая гневные эмоции, как можно мягче произнёс я.

– Что из того? – любопытствовала она. – Ни один взрослый человек, не заслуживает к себе безразличного отношения!

Я улыбнулся в ответ и отрицательно покачал головой, словно Татьяна могла меня видеть, затем вновь нравоучительно произнёс:

– Прости, если мои слова покажутся дерзкими, но не следует делать поспешных выводов, сразу бросаться в крайности и раздувать из мухи слона.

– Я не бросаюсь в крайности. Мне кажется, с ним произошло несчастье...

– А я почему-то уверен, что с твоим соседом, определённо, ничего плохого не случилось. К тому же, насколько понимаю, он не обязан, ни перед кем отчитываться, где и каким образом проводит своё личное время.

Я опасался показаться некорректным, поэтому тщательно подбирал каждое высказанное мною слово.

– Целиком и полностью с тобой согласна! – всё тем же взволнованным голосом ответила Лихачёва.

– Ну, вот и хорошо, – сказал я. – Не расстраивайся раньше времени. Надеюсь, всё образуется...

– Не образуется! – твёрдым голосом возразила она. – Я в этом убеждена...

Мне показалось, что о причине исчезновения великовозрастного соседа, Татьяна знала гораздо больше, чем те нелепые доводы, о которых решила мне сообщить.

– Если абсолютно уверена, что с твоим соседом по коммунальной квартире произошло несчастие, значит, либо ты очень мнительная женщина, либо не обо всём мне рассказала, – с нажимом, подытожил я. – Что-то скрываешь...

В моём мобильном телефоне наступила гнетущая тишина. Лихачёва, вероятно, не знала, что ответить на моё прямолинейное замечание, вследствие чего какое-то время находилась в прострации.

– Возможно, тебе неудобно быть со мной до конца откровенной? – настойчиво продолжил я. – Не стану утверждать, что делаешь это преднамеренно, но тем ни менее, явно о чём-то не договариваешь...

Даже по мобильной связи было хорошо слышно, как она в очередной раз глубоко вздохнула.

– Мне кажется, Иван Никанорович умер. Не исключаю, что его могли убить... – после небольшого раздумья, притихшим голосом ответила Татьяна.

– Для такого серьёзного заявления нужны веские основания! – заметил я. – Согласись, Танечка, здесь одних домыслов недостаточно.

– Проблема в том, что из его комнаты разносится какой-то отвратительный едкий запах... – размеренно произнесла она.

– Может у твоего соседа испортился холодильник? – ненавязчиво предположил я. – Загулял мужик и не ведает, что творится у него дома.

Усилием воли я заставил себя быть сдержанным.

– Паша, поверь мне на слово, испорченные продукты совершенно не причём. Да и холодильник находится в исправном состоянии. Когда он включается, то в прихожей слышно как работает двигатель.

– Не хочу тебя преждевременно расстраивать, но если всё обстоит именно так, как ты мне только что обрисовала...

Я не успел договорить, потому что она резко меня перебила:

– В этом запахе, который теперь распространился по всей нашей квартире, отчётливо прослеживается присутствие сероводорода, двуокиси серы, метана и аммиака, – со знанием дела заявила Лихачёва.

– Никогда бы не подумал, что ты так досконально разбираешься в химических элементах? – искренне изумился я.

– Совершенно не разбираюсь, – сухо ответила Татьяна. – Наша соседка, старушка – божий одуванчик, давно на пенсии, но всю свою сознательную жизнь преподавала химию. Она утверждает, что это запах смерти.

– Ты хочешь сказать, что это трупный запах, – задумчиво, уточнил я, – который появляется при естественном разложении мёртвого тела?

– Скорее всего, именно так оно и есть...

– Тогда следует немедленно обратиться в полицию.

– Я надеялась на твою помощь. Ещё раз извини за беспокойство...

– Танюшенька! Голубушка... – испытывая некоторую неловкость, поспешно произнёс я. – Имей в виду, тебе в любом случае, необходимо обратиться в отделение полиции.

– Да. Разумеется...

– Сейчас, при всём желании, не могу для тебя что-либо сделать.

– Я понимаю...

Она огорчённо засопела.

– Основная проблема в том, что перейдя на другую работу, я больше не имею официальных полномочий. Совсем недавно был следователем, теперь занимаюсь бизнесом. Открыл собственную фирму. Торгую стройматериалами...

– Хорошо. Немедленно позвоню дежурному офицеру... – потерянными голосом пообещала она. – Мне так перед тобой неудобно...

– Ничего непристойного не произошло, – заверил я. – Было приятно вновь услышать твой мягкий бархатный голос...

– Ещё раз, прости за беспокойство!

У меня появилось какое-то непонятное мерзопакостное ощущение. Я не привык делать людям добро, но тем ни менее, было не в моих правилах отказывать женщинам. Разумеется, впоследствии мои услуги им слишком дорого обходились.

– Татьяна! – вновь на повышенных тонах, произнёс я. – Подожди немного. Пока никого не вызывай...

– Почему? – любопытствовала она.

– Сейчас к тебе подъеду, – пообещал я и тут же пожалел о сказанном, ругая себя за столь необдуманную поспешность.

– Пашенька, спасибо огромное! – обрадованно, воскликнула она.

– Ещё, не за что...

– Как же не за что? Я уже совсем расстроилась. Мало ли кого отправят на вызов? Придёт какой-нибудь совсем чужой человек...

– Ну, да. Я гораздо ближе и роднее...

– По крайней мере, мы хоть знакомы.

Я не стал с ней спорить, но на всякий случай всё же предупредил:

– Только учти, Танечка, не могу заранее ничего обещать.

– Мне этого и не нужно. Главное приезжай. Рядом с тобой мне будет как-то спокойнее...

– Мне нужно более досконально разобраться в сложившейся ситуации. В крайнем случае, подскажу номер телефона участкового инспектора...

Я преднамеренно замолчал, раздумывая, стоит ли продолжать.

– Пашенька, я всё прекрасно понимаю! Спасибо тебе огромное... – прошептала она, бодрым звонким голосом.

– Поблагодаришь потом, если будет за что. Пока, ещё ничего конкретного не сделал. Назови, пожалуйста, адрес...

– Домашний? – с лёгкой растерянностью, переспросила Лихачёва.

– Скажи, куда мне нужно подъехать? – сдержанно пояснил я.

– Записывай...

– Ни к чему. У меня отличная профессиональная память.

– Уже обратила на это внимание.

– До моего прихода никого не вызывай! – предупредил я, и тут же добавил: – Нет особого желания встречаться с бывшими коллегами. Начнут уговаривать, чтобы вернулся начальником в следственный отдел...

Узнав точный адрес, я отключил мобильный телефон, переоделся в собственный костюм, одолжив при этом у бывшего хозяина квартиры отглаженную белую рубашку и тёмный строгий галстук. Прежде чем выйти на улицу, я накинул на плечи осеннюю куртку, посмотрел на остывший кофе и непроизвольно вздохнул.

Глава 4

Не только над Мурманском, но и над всем Кольским полуостровом нависла полярная ночь. Наступило самое мерзопакостное время, когда поздняя осень всё ещё властвовала над природой, а ранняя зима лишь начинала вступать в свои владения. Теперь сорок дней и ночей солнце не будет выходить за линию горизонта, а его лучи не станут заглядывать в этот забытый богом край. В такие сумрачные тоскливые дни, у меня часто болела голова, отчего я излишне нервничал и постоянно впадал в меланхолию. Но как ни странно, в этот полдень я находился в прекрасном расположении духа и чувствовал себя словно новорождённый младенец. С опаской поглядывая на обледенелый асфальт, и с невероятным трудом преодолевая скользкие участки тротуара, я наконец-то добрался до остановки общественного транспорта.

– У тебя наверняка есть финансовая возможность. Имеешь водительское удостоверение, но почему не приобретёшь себе автомобиль? – зачастую спрашивали мои друзья.

– Жаба душит! – не задумываясь, отвечал я.

– Тебе никто не говорит, что необходимо потратить два с половиной миллиона долларов, чтобы иметь эксклюзивный внедорожник. За наши российские деньги, в пределах четырёхсот тысяч рублей, можно приобрести вполне приличную иномарку.

– А мне за державу обидно, – отшучивался я. – Вот когда наш российский автопром начнёт выпускать автомобили высшего качества, тогда может быть и надумаю обзавестись техникой.

Я действительно несколько лет назад, прошёл учебный курс, по большому благу сдал экзамены и получил водительское удостоверение. Но в тот момент, когда самостоятельно попытался сесть за руль, внезапно осознал, что мне это совершенно ни к чему. Помимо того, что меня пугали автомобили, движущиеся рядом, и тем более идущие на обгон, так у меня вообще не было ни малейшего желания сутками пропадать в гараже, ковыряться в двигателе и при необходимости менять бескамерные покрышки. К тому же, я предпочитал жить за счёт какой-нибудь смазливой неопытной девицы, мечтающей как можно скорее выйти замуж, или отдыхал у миловидной вдовы, сутками валяясь на её большом мягком диване. Моей основной задачей было занятие любовными утехами, просмотр телевизионных программ и чтение свежих газет. Если что-то менялось в привычном графике и вдобавок ко всему начинали возникать вопросы о моей профессиональной деятельности, то я сразу менял место дислокации. В зависимости от благосостояния моей очередной дамы сердца, на память обо мне у неё оставались воспоминания о растраченных суммах в долларовом или рублёвом эквиваленте. Так что, общественный транспорт меня нисколько не смущал, а при острой необходимости, всегда была возможность воспользоваться услугами таксомоторного акционерного общества, или же было достаточно взмахнуть рукой и остановить любого частника занимающегося извозом. Поэтому я без особых эмоций вошёл в автобус, предварительно пропустив вперёд вечно спящих пенсионеров и, при наличии свободного места, плюхнулся на сиденье. Лишь постоянно напрягая память, я наконец-то смог отчётливо представить себе Татьяну Зиновьевну Лихачёву. Это была женщина среднего роста, худощавая, стройная, с хорошими манерами и приятной внешностью. Но, несмотря на то, что в постели Татьяна не выказывала признаки флегматичной партнёрши, она всё-таки не проявляла личную инициативу, способствующую улучшению наших интимных отношений. Её дочь, шестнадцатилетняя красавица со смуглой кожей, с такими же, как у её матери, длинными локонами тёмно-русых волос, и с оливково-зелёными глазами, также оставила о себе приятные воспоминания. На её счастье, я был аферистом – любовником, но никоим образом не извращенцем, преследующим юных невинных девушек. По столь уважительной причине мне пришлось всего лишь довольствоваться незначительным общением с этим милым кротким созданием.

Воспользовавшись лифтом и поднявшись на седьмой этаж, я решительно нажал кнопку дверного звонка.

– Пашенька, здравствуй! Прости, что пришлось тебя побеспокоить, – залебезила Лихачёва.

Татьяна была в ажурном платье, с узкими бретельками на оголённых плечах, искусно связанным крючком из светло-голубой пряжи мерсеризованного хлопка. По её бледному лицу скользнула мимолётная улыбка. Неприятно признавать, но она была не совсем здоровой женщиной, выглядела гораздо хуже, чем я мог предположить. Толи изнуряющая работа на производстве, толи следствие неизлечимой болезни, довели её до такого жалкого состояния. Переступив порог коммунальной квартиры, я сразу уловил отвратительный трупный запах. Или как выразилась Татьяна, разговаривая со мной по сотовому телефону: в их общей прихожей витал запах смерти.

– Здравствуй, лапушка! Здравствуй милая... – добродушно ответил я, скрывая косвенные подозрения о наличии трупа, и моё негативное мнение о её внешности. – А ты всё хорошеешь, подруга...

Я постарался скрыть своё упадническое настроение. В глубине души надеялся, что она, столь примитивным образом решила заманить меня к себе в гости, а все разговоры об Иване Никаноровиче всего лишь прелюдия к её тайному замыслу вспомнить былое и как можно скорее затащить меня в собственную кровать. Реальная действительность в виде тошнотворного запаха мгновенно подействовала на меня самым отрезвляющим образом. Я невольно обуздал свои иллюзии об её возродившихся пламенных чувствах и мгновенно спустился с небес на землю. Я абсолютно не интересовал её в роли пылкого любовника. Она никогда бы не набрала номер моего сотового телефона, если бы не поверила, что я действительно являюсь работником следственного отдела.

– Ах, брось, Пашенька, – поспешно поправляя причёску, проговорила она в ответ на мой лестный комплимент. – Вся в делах, вся в заботах. То одно, то другое. В парикмахерскую зайти некогда...

Приглядевшись к ней более пристально, я непроизвольно обратил внимание на тот факт, что вдобавок к физическому недомоганию, она ещё и заметно постарела.

– Наши годы нас не украшают! – словно прочитав мои мысли, печально подметила Лихачёва. – Но не стоит огорчаться. Нужно уметь радоваться тому, что имеем.

Она произнесла эти слова с откровенным оптимизмом, вопреки своим болезням и невзгодам.

– Во всяком случае, судя по тебе, этого не скажешь, – благородно солгал я. – С тобой хоть сейчас на танцы...

Она лишь улыбнулась в ответ, но как-то неестественно, словно чего-то стеснялась. Впрочем, в её застенчивости, была непосредственная заслуга плохого дантиста.

По окончанию обоюдных любезностей, я машинально окинул беглым взглядом прихожую. Это был длинный и широкий коридор, заставленный какими-то пошарпанными сундуками, деревянными ящиками, полуразвалившимися чемоданами пятидесятых годов, картонными коробками и прочим хламом. Был здесь и ржавый велосипед, лет, пожалуй, пятнадцать висевший на большом толстом крюке замурованным в стену под самым потолком.

– Где проживает исчезнувший сосед? – поинтересовался я, не желая оставаться в этом бедламе ни одной лишней минуты.

– В нашей коммунальной квартире четыре комнаты, одна кухня, один общественный туалет и одна общая ванна...

– На четверых хозяев, – подытожил я

– Да, – подтвердила Татьяна. – Если не учитывать мою Леночку...

Она указала на вторую дверь, находящуюся с правой стороны непомерно длинной прихожей. В глубине души, я даже позавидовал, что в той коммуналке, которая расположена на Больничном городке в полуразвалившемся двухэтажном доме, в котором по наследству от родной бабки мне досталась комнатка в тринадцать квадратных метров, не было такого свободного пространства. Во всяком случае, вместо того, чтобы загромождать ненужной утварью, я нашёл бы для столь просторной прихожей наиболее рациональное применение.

– Иван Никанорыч, по складу характера, отвратительный человек! – продолжила Лихачёва, не заметив моей мимолётной задумчивости, порождённой досадным чувством постыдной зависти.

– Может, по отношению к нему, у тебя сложилось предвзятое отношение? – спросил я.

– Если бы... – со вздохом ответила она. – Мы не живём рядом с ним, а только мучаемся!

– Наверное, у него есть какие-нибудь друзья?

– Вообще-то у него замкнутый необщительный характер.

– К сожалению, существует такой тип людей, – согласился я. – Обычно их называют бирюками...

– Иван Никанорович именно таким бирюком и был, – поддакнула Татьяна.

Она сделала задумчивое лицо и словно в противовес своим же словам решительно заявила:

– Но однажды, буквально за неделю до его исчезновения он пришёл домой непривычно весёлым и жизнерадостным...

– Может, влюбился на старости лет? – машинально полюбопытствовал я.

– Грешным делом, мне в голову пришла точно такая же мысль. Никогда раньше таким счастливым его не видела.

Румянец лёгкого смущения начал заливать её лицо и шею.

– Вообще-то, даже самый угрюмый мужчина, в котором прослеживается жёсткость и упрямство, иногда бывает весёлым и жизнерадостным, – лаконично ответил я, и тут же добавил: – В зависимости от величины положительных эмоций...

Подойдя вплотную к двери Ивана Никаноровича, мне даже не пришлось выстраивать цепь логических умозаключений. Резкий трупный запах говорил сам за себя.

– По-моему, уже давно необходимо было сообщить в надлежащие инстанции, – нахмурившись, пожурил я. – Ты обязана была это сделать немедленно, как только впервые почувствовала столь мерзкое зловоние.

– Сначала не придавала этому особого значения, но вчера вечером по-настоящему задумалась о причине его появления.

На её лице отразилось некое подобие жалкой улыбки.

– Первая реакция, несомненно, была направлена на испорченные продукты? – участливо поинтересовался я.

Лихачёва непроизвольно сконфузилась.

– Мне стыдно признаваться, но именно так всё и было. Для начала, я вынесла мусорные вёдра, потом заглянула во все кастрюли...

Она посмотрела на меня растерянным взглядом, который показался мне неестественным, даже чуточку наигранным.

А что, Иван Никанорыч умер? – спросила Татьяна. – Мне и в голову не могло прийти, что богу будет угодно призвать его к себе.

– Это почему же?

Перед тем как ответить, она пожала плечами.

– Обычно такие мерзопакостные люди живут очень долго.

– С какой стати?

– Они энергетические вампиры. Постоянно подпитываются чужой энергией.

Я посмотрел на неё слегка прищурившись, криво усмехнулся, и рассудительно произнёс:
– Не могу сейчас с полной уверенностью утверждать, умер твой сосед или его убили. Да и вообще, находится ли он в этой комнате...

Лихачёва округлила глаза и недоумённо посмотрела на меня.

– Пашенька! – растерянно пробормотала она. – Неужели у тебя есть какие-то сомнения? У нас во всей квартире дышать нечем...

Она даже не попыталась замаскировать бурный всплеск негодования, так отчётливо проявившийся в её голосе.

– Вне всяких сомнений, за дверью мёртвое разлагающееся тело, – рассудительно пояснил я. – Но пока мы с тобой не знаем, кто именно находится в комнате Ивана Никаноровича.

– Неужели там может быть кто-то посторонний?

– Нет смысла гадать, – логически рассуждая, ответил я. – Сначала необходимо определиться что произошло, и лишь после этого можно будет сделать соответствующие выводы.

Я достал из кармана носовой платок и осторожно взялся за дверную ручку.

– У тебя, случайно, нет запасного ключа от этой комнаты? – после неудачной попытки отворить дверь, поинтересовался я.

– Откуда же он у меня возьмётся? – ещё сильнее зардевшись, пролепетала Лихачёва.

Мне почему-то показалось, что её ответ был не слишком искренним.

– Спросил всего лишь на всякий случай, – пояснил я. – Нет, так нет...

– У нас у каждого жильца от своей комнаты имеются индивидуальные ключи. Только от прихожей у всех одинаковые...

В её взгляде вновь промелькнуло что-то неестественно наигранное. Мой жизненный опыт, приобретённый в постоянном общении с женщинами, подсказывал, что Лихачёва по-прежнему от меня что-то скрывала.

– Тогда, Танечка, нам просто необходимо вызвать участкового и вместе с ним дежурного слесаря.

Я опустил руку в карман и достал мобильный телефон.

– Зачем тратьшь деньги? – посетовала она. – У нас есть стационарный...

– Благодарю, Танюшенька, но мне так удобнее! – решительно отказался я. – По крайней мере, не придётся вспоминать нужный номер...

Я преднамеренно отошёл в сторону и набрал наугад нелепую цифровую комбинацию. Сделав вид, что на том конце связи мне ответили, я деланно произнёс:

– Здравствуй, Семён Васильевич! Майор Ларионов тебя беспокоит из следственного отдела. Да, всё верно... Павел Николаевич... Это не слухи... Я действительно теперь занимаюсь коммерческой деятельностью... Что за проблема?..

Я обрисовал ситуацию таким образом, чтобы Лихачёва поверила в реальность моего собеседника.

– Ваш профессиональный опыт не будет лишним... – целенаправленно продолжая нести всякую ахинею пришедшую мне на ум, проговорил я. – В любом случае, мне было бы приятно с вами встретиться... Да, у меня у самого многолетний стаж работы в этой системе...

Я мельком взглянул на Татьяну. Убедившись, что она внимательно прислушивается к моим словам, я не менее серьёзно добавил:

– Приказ о досрочном присвоении очередного специального звания, министр внутренних дел, просто так подписывать не станет! – Надеюсь, вы уже капитан? Поздравляю от всей души... Извините за беспокойство! Вам тоже всего наилучшего...

Отключив мобильный телефон, и продолжая изображать из себя бывшего оперативника, я вновь предусмотрительно обратился к Лихачёвой.

– К сожалению, лучший следователь, до которого я дозвонился, сейчас в отпуске. У него частный дом под Вологдой. Ничего страшного. Как только мы с тобой выясним, что здесь произошло, незамедлительно сообщим участковому.

Я посмотрел на неё проницательным взглядом и тут же спросил:

– Помимо тебя, кто-нибудь из жильцов этой коммунальной квартиры, сейчас находится дома?

Татьяна на мгновение задумалась.

– Должны быть... – протянула она. – Ирина Александровна, старушка – божий одуванчик, парализована и сутками лежит в постели. Другая моя соседка, Инна Алексеевна, по моему, с утра никуда не выходила...

По её взгляду, я понял, что Лихачёва хотела поинтересоваться для чего мне это нужно.

– Желательно кого-нибудь пригласить, в качестве понятых, – сказал я, опережая её вопрос.

Я отлично понимал, что не в моих интересах находиться в том месте, где может быть обнаружен труп человека, но мне очень понравилось выглядеть в глазах бывшей любовницы крутым начальником, достигнувшем определённых высот карьерного роста.

– Здесь, – Лихачёва указала на дверь, расположенную рядом с комнатой Ивана Никаноровича, – живёт восьмидесятилетняя бабулька, преподаватель химии. Я тебе о ней уже рассказывала...

– Это именно та Ирина Александровна, которая определила, что в вашей коммунальной квартире появился трупный запах? Или, как она выразилась: запах смерти...

– Да. Но она вряд ли сможет оказать какую-либо существенную помощь...

– Я уже это понял. Ты предупредила, что она сутками прикована к постели.

– У неё ноги парализованы! – заявила Татьяна бесстрастным тоном

– За ней кто-нибудь ухаживает?

– У Ирины Александровны когда-то был муж, но он скончался от пневмонии в сорокалетнем возрасте.

– Детей нет?

– Есть сын. Военный. Служит где-то на Дальнем Востоке.

– Мать навещает? – невинно поинтересовался я, хотя мне было совершенно наплевать на их семейные взаимоотношения.

– Здесь бывает очень редко. Практически один раз в пять лет. Да и не задерживается дольше, чем на неделю.

– Значит, можно считать, что она одинокая женщина, – констатировал я, преследуя свои меркантильные интересы.

Коммунальная четырёхкомнатная квартира, в которой один из хозяев уже теоретически был мёртв, а вторая квартирисьёмщица находилась на грани между жизнью и смертью, не могла не привлечь моё внимание. И хотя я не был чёрным реутором, и не занимался квартирными вопросами, всё ж таки мог обратиться к нужным людям и при этом поиметь личную выгоду.

– Так сложилось, что у Ирины Александровны кроме нас никого нет, – с глубоким вздохом, произнесла Лихачёва.

– Значит, она постоянно лежит в постели? – ради уточнения, переспросил я.

– У неё есть инвалидная коляска. Но я всё-таки думаю, что Ирина Александровна тебе не помощник.

– Разумеется, приглашать её, в качестве понятой, нет смысла, – согласился я, и тут же поинтересовался:

– Так она, хоть когда-нибудь, пользуется этой коляской?

– Мы с дочерью иногда помогаем Ирине Александровне в неё забраться, а уж потом она сама потихоньку передвигается на ней по комнате.

– А как же мебель?

– Мебели у неё не так много. Вернее, осталось не так много. Лихие девяностые не прошли для неё даром...

Усилием воли Лихачёва придала себе самый равнодушный вид, хотя было заметно, что упомянутые времена для неё самой не остались незамеченными, и наверняка ошутимо сказались на её благосостоянии.

– Всё, что Ирина Александровна скопила за долгие годы непосильного труда и хранила на сберкнижке, бесследно исчезло, – взволнованно продолжила Татьяна. – Ради того чтобы выжить и не умереть с голоду, мебель, а так же многие хорошие вещи пришлось продать. Так что теперь, в её комнате можно кататься на этой инвалидной коляске хоть вдоль, хоть поперёк...

– Понятно. Всё самое лучшее и дорогостоящее, из того что она имела, ушло за бесценок, – попытожил я, с напускной грустью.

– Деньги были нужны... – с глубоким вздохом, произнесла Лихачёва.

– А кому они не нужны? – понимающе констатировал я.

– К сожалению, ты прав, – поникшим голосом, произнесла Татьяна. – Как говорится: «не в деньгах счастье»... Но и без них уж больно муторно на душе...

Её произвольная улыбка сменилась выражением озабоченности. Она посмотрела на меня вопросительным взглядом.

– Насчёт Ирины Александровны, мы уже определились, – вновь предугадав ход её мыслей, попытожил я. – Без особой необходимости не будем беспокоить старого больного человека...

Лихачёва понимающе кивнула головой и подошла к противоположной двери.

– Вот здесь, в семнадцатиметровой комнатухе живём мы с Леночкой, – испытывая чувство неловкости, пояснила она.

Татьяна поправила узкую бретельку её ажурного платья связанного из светло-голубой пряжи, спадающую с оголённого плеча. По её лицу скользнула смущённая улыбка. Я не мог не догадаться, что она стеснялась бытовой неустроенности.

– Твоя повзрослевшая дочь скоро получит диплом о высшем образовании, начнёт хорошо зарабатывать и всё образуется, – пытаюсь хоть как-то её подбодрить, пообещал я.

– По-моему, мы с ней никогда не выберемся из нищеты, и постоянно будем сидеть в долгой яме. Я делаю всё, что в моих силах, но по-прежнему не верю в светлое будущее. Мне почему-то кажется, что впереди нас ждёт лишь одна неустроенность и непроглядная крошечная мгла...

– Ну, зачем же так мрачно? – нахмурившись, возмутился я. – Всегда нужно надеяться на что-то лучшее...

– Только это и остаётся, – огорчённо ответила Лихачёва.

Мне захотелось как можно скорее сменить тему неприятного разговора, тем более что ничем существенным я помочь не мог, а разводить пустую ничего не значащую демагогию не было смысла.

– Нетрудно предположить, что в комнате, которая расположена рядом с твоей, проживает Инна Алексеевна, – уверенно, произнёс я.

– Инна Алексеевна Безымянная, – уточнила Татьяна. – Интеллигентная женщина. По своему очень несчастная...

Она выдержала непродолжительную паузу, но, не дождавшись от меня наводящих вопросов, с сочувствием прошептала:

– Незамужняя. Похаживал одно время кавалер, но что-то у них не сложилось...

– Позови, пожалуйста! – коротко попросил я. – Её присутствие будет необходимо...
Лихачёва незамедлительно постучала в дверь.

– Инна Алексеевна! Можно вас на минуточку? У нас товарищ из уголовного розыска!
Насчёт Ивана Никанорыча... – воскликнула она, не в силах сдержать всплеск бурных эмоций.

– Иду, Танечка, иду... – послышался бойкий голос пожилой женщины.

Глава 5

Инна Алексеевна вышла в цветастом кимоно. У неё на шее красовался шарфик из такого же материала. Её ресницы и брови были подведены чёрной тушью, в тон коротко стриженных волос. На их фоне, её глаза орехового цвета, имеющие золотистый оттенок, казались выразительными и броскими, но тем самым отвлекали внимание от её приплюснутого утиноного носика.

– Насколько смею судить, мужчин в вашей квартире нет? – произнёс я, прилагая усилия, чтобы мой голос не прозвучал слишком мягко.

Я уже всерьёз начал тешить надежду собственной выгоды при обмене их просторной коммунальной квартиры на менее равноценную. Если с представителями сильной половины человечества в этом вопросе могли возникнуть проблемы, то обмануть доверчивых женщин для меня не составило бы особого труда.

– Иван Никанорыч был единственным мужчиной в нашем обществе, – вступила в разговор Инна Алексеевна. – Будь у него не столь скверный характер, он бы у нас как сыр в масле катался.

Это было высказано с таким серьёзным видом, и с такой вызывающей откровенностью, что я не мог усомниться в искренности её слов.

– Говорить о нём в прошедшем времени пока рано, – резонно подметил я.

– Так ведь запах... – на мгновение, оторопев, возразила Безымянная.

Она как-то странно посмотрела на меня.

– О чём вы только что подумали? – напрямую спросил я. – Любая, кажущаяся мелочь, может оказаться очень важной...

– У нашего соседа был хорошо откормленный котик, – растянуто пояснила Инна Алексеевна.

– Почему был? – запротестовала Лихачёва. – Этот наглый зверёныш до сих пор сидит взаперти в его комнате.

– Обычно, когда Иван Никанорыч забывал его покормить, кот жалобно мяукал, а теперь его не слышно. Вот я и подумала, а что если...

– Ничего с ним не случилось! – Возмущённо заявила Лихачёва. – Я даже сейчас слышу его мурлыканье...

Я напряг слух, но ровным счётом ничего не обнаружил. За дверью воцарилась гнетущая тишина. Однако, излишняя уверенность Татьяны, навела меня на мысль о том, что она имеет доступ в комнату Ивана Никаноровича и точно знает, по какой причине оттуда исходит зловонный запах.

– Пожалуйста, успокойтесь! – попросил я, не позволив женщинам поссориться из-за такого пустяка. – Не стану досконально объяснять, чтобы не шокировать вас обеих жуткими подробностями, но можете не сомневаться, в комнате Ивана Никаноровича сейчас однозначно находится разлагающийся труп взрослого человека, а не какого-то мелкого животного.

– Может там женщина? – предположила Лихачёва.

В этот раз я отчётливо заметил её смятение. Она вновь говорила не о том, о чём думала.

– Когда придёт участковый, войдём в комнату и во всём разберёмся, – сказал я, стараясь преждевременно не задавать им наводящих вопросов, опасаясь тем самым поставить в неловкое положение.

«Если хотят что-то скрыть, пусть скрывают! – подумал я. – Всё равно, рано или поздно, всё тайное становится явным...»

Видимо на моём лице отразилась такая горькая озабоченность, что Татьяна невольно решила прийти мне на помощь.

– Могу позвать жильцов из другой квартиры, – предложила она.

– Пока нет такой необходимости.

– Там, вместе с жёнами, проживают их законные мужья...

Мне пришлось предпринять некоторые усилия, чтобы не рассмеяться.

– А что, мужья могут быть и не законными? – ради того, чтобы хоть немного снять возникшую напряжённость, полюбопытствовал я.

– Сейчас, многие современные люди предпочитают жить в гражданском браке, – слишком серьёзно восприняв мой вопрос, ответила Лихачёва.

– Пожалуй, сможем решить возникшую проблему без их участия! – отмахнулся я

– Если вы, Павел Николаевич, считаете, что нашего присутствия недостаточно...

Она обратилась ко мне по имени и отчеству с определённой целью возвысить мою значимость в глазах соседки. Я решил отплатить ей той же монетой.

– Нет, Татьяна Зиновьевна, так не считал и не считаю! – заявил я категоричным тоном, и более мягко уточнил:

– Если при наличии трупа Ивана Никаноровича, вы обе осмелитесь войти в комнату и согласитесь его опознать, тогда мы с вами обойдёмся без посторонних мужчин.

Словно по команде, переглянувшись, между собой, очаровательные представительницы прекраснейшей половины человечества, в знак согласия утвердительно кивнули своими милыми головками.

– Вот и договорились! – удовлетворённо произнёс я. – А теперь расскажите мне более подробно о вашем соседе.

Они вновь переглянулись.

– Что о нём рассказать? – недоумённо переспросили женщины.

– Мне необходимо иметь о нём наиболее ясное представление, – глубокомысленно пояснил я. – Меня интересует буквально всё.

– Он отпетый негодяй, каких свет не видывал! – взвинчено заявила Лихачёва. – Если, действительно умер, то ни грамма не жалко. Туда ему и дорога...

Меня поразило её дерзкое высказывание.

– Характер у него скверный, неуживчивый. Слишком пакостный и злопамятный человек! – без тени смущения, добавила Безымянная.

В загадочной глубине её глаз таилось что-то опасное и предупреждающее.

Я широко развёл руками.

– Вас обеих послушать, так он вообще деспот! – вступился я за Ивана Никаноровича, не столько ради справедливости, как из-за элементарной мужской солидарности.

– А он и есть деспот! – запальчиво продолжила Инна Алексеевна. – Постоянно ходит как сыч надутый. Вечно чем-то недоволен...

Не только по интонации голоса, но и по одному их взгляду я понял, что обе женщины его недолюбливали и при первой же возможности были готовы смешать с дерьмом.

– Наверное, часто пьёт и буянит? – не ради личного интереса, а скорее для проформы, полюбопытствовал я.

– Слишком мягко сказано, – взвинчено проговорила Инна Алексеевна. – Он никогда не бывает трезвым. Напьётся, глазищи вытаращит и ничего не соображает.

Она перевела взгляд на Лихачёву и тут же попросила:

– Подтверди, соседка. Я ведь права?

– А кто в этом сомневается? – парировала Татьяна – Пьёт беспробудно, но что самое интересное, всегда при деньгах.

– Много денег? – некорректно, но с определённой заинтересованностью спросил я, учитывая, что для кого-то сто рублей огромная сумма, а для кого и миллиард долларов ничего не значит.

– Нам с вами такие не снились! – почти в один голос, ответили женщины.

– Где работает?

– В том-то и дело, что нигде...

– Так не бывает, – возразил я. – Если человек совершенно ничего не делает, то никаких денег у него быть не может. Даже, самые опустившиеся бродяги, живущие в подвалах, встают рано утром и ради скудного пропитания роются в мусорных баках.

– Наш сосед не такой, – опять высказалась Инна Алексеевна. – Всегда опрятно одет, да и пьёт только марочные вина или дорогой коньяк. В крайнем случае, водку, но опять-таки, очень дорогую.

– В таком случае, если Иван Никанорович, как вы обе только что заявили, имеет солидный доход, то значит, он всё-таки непременно где-то и чем-то занимается, – резонно подметил я.

– Целыми сутками околачивается на железнодорожном вокзале, – сказала Лихачёва.

– Наверняка не ради того, чтобы украсть чемодан у зазевавшегося пассажира? – спросил я.

– Конечно же, нет. Имеет связи с кассирами и за определённые проценты приобретает дефицитные билеты на поезда дальнего следования, – пояснила Безымянная. – Если не ошибаюсь, берёт за услугу тысячу рублей...

– За каждый билет?

– Разумеется! А иначе, откуда у него такие шальные деньжищи?

– Иногда, он ещё проворачивает валютные махинации, – добавила Татьяна.

Моё сердце бешено заколотилось. Мысль о чужом богатстве затмила мой разум.

– Фарцовщик... – подытожил я. – Вероятно, не брезгует распространением наркотиков?

– Этим он вряд ли занимается! – мгновенно опротестовала Инна Алексеевна.

Она прямо-таки впилась в меня глазами.

– Откуда у вас такая непоколебимая уверенность? – крайне заинтересованно спросил я. – Практически, на все сто процентов...

– Много лет живу с ним в одной квартире. Рано или поздно, всё равно бы заметила...

– Тоже на этот счёт ничего плохого сказать не могу, – честно призналась Лихачёва. – Он увлекается спиртными напитками, но не наркоман.

Со следующим вопросом я обратился непосредственно к Инне Алексеевне Безымянной:

– Татьяна Зиновьевна утверждает, что не видела вашего соседа более двух суток. А вы, Инна Алексеевна, когда встречались с Иваном Никаноровичем в последний раз?

– Наверное, так же? Дня два или три назад... – озадаченно, ответила она.

Мне непроизвольно показалось, что наряду с Лихачёвой, она пытается скрыть от меня более точную информацию. Но и заподозрить обеих женщин в обоюдном сговоре, я тоже не мог.

– Точно, с тех пор прошло почти трое суток... – поспешно, подтвердила Инна Алексеевна.

Бесцеремонно прикуривая тонкую сигарету, с «золотым» угольным фильтром, созданную специально для изящных дамских ручек, чей душистый аромат мгновенно затерялся в тошнотворном запахе разлагающегося трупа, она задумчиво произнесла:

– А всё-таки, Танечка не права!

– В чём? – поинтересовался я.

– Действительно, с того самого времени, как я видела его в последний раз, прошло не двое, а трое суток.

– Татьяна Зиновьевна сразу сказала, что прошло более двух дней. Она не утверждала, что её предположения высказаны с достоверной точностью, – вступился я.

– Точно помню! Прошло именно трое суток.

Я ни на секунду не сомневался, что Инна Алексеевна совершенно не умела лгать. Она точно так же, как и Лихачёва, то и дело краснела и смущённо прятала глаза.

– В таком случае, почему вы так безапелляционно в этом уверены? – попытался уточнить я.

– В тот день, ранним утром чистила овощи, а Иван Никанорыч вошёл на кухню и беспардонно высморкался в раковину. Он очень торопился, потому что в его комнате кто-то был...

– Как часто у него собираются посторонние люди?

– Да почитай, каждый день кто-нибудь обязательно заходил. Особенно летом, в период отпускного сезона...

– Мужчины?

– В основном богатые, хорошо обеспеченные женщины, – протянула Инна Алексеевна.

– Это притом, что ваш сосед омерзительный тип у которого замкнутый и необщительный характер? – машинально съязвил я.

Инна Алексеевна оставила мой упрёк без должного внимания.

– Иван Никанорыч обращается с ними очень грубо, но, правда, денег на них не жалеет... – запальчиво, продолжила она.

– Липнут к нему бабы, – поспешно, словно боясь не успеть, добавила Лихачёва. – Слетаются как мухи на мёд...

Она была готова выразиться в резкой форме, но взглянув в мои глаза, всё-таки предпочла наиболее вежливое высказывание.

– Он мужчина видный, хоть и алкоголик, – подытожила Безымянная.

В её голосе непроизвольно прозвучали нотки женской ревности.

– Последним, кто к нему приходил?

– Тоже, дама какая-то... – заявила Инна Алексеевна. – Точно, это была женщина!

– Внешность её запомнили?

– Нет! У меня плохая зрительная память, особенно на лица. Да и видела я её мельком. Они ведь, подруги его, прошмыгнули в комнату, а уж потом оттуда визг и гам доносится...

– В чём была одета, не подскажете? – спросил я, откровенно сомневаясь, что у Инны Алексеевны действительно плохая зрительная память.

– На ней была дорогая норковая шуба... – Безымянная на мгновение задумалась и, вновь затаившись сигаретой, добавила: – У неё на правой руке было обручальное кольцо. Красивое! С бриллиантом...

– Именно с бриллиантом? – переспросил я. – Может искусная подделка, после качественной обработки практически не отличимая от этого благородного камня...

– Потому, что знаю! – на повышенных тонах, ответила она. – Не совсем тупенькая, кое в чём разбираюсь...

Я благоразумно предпочёл не спорить, и был вынужден, поверить ей на слово.

– Значит, говорите обручальное кольцо? – протянул я.

– У него почти все женщины замужние.

Безымянная опустила глаза, ей не удавалось смотреть на меня не краснея. Но теперь её лицо вспыхнуло ярким алым румянцем не от того, что она не могла позволить себе быть со мной предельно откровенной. Я не только не стал заострять на этом ни малейшего внимания, но и преднамеренно сделал вид, будто не замечаю её истинных чувств, которые она испытывала по отношению к Ивану Никаноровичу.

– В какой-то степени это благоразумно, – сказал я. – Замужние женщины не станут предъявлять претензий насчёт свадебных обрядов, к тому же, не в их интересах, чтобы кто-то узнал о порочных связях на стороне.

Спохватившись, что меня явно понесло куда-то не в ту сторону, я был вынужден в срочном порядке изменить ход моих суждений.

– Но лично я склонен думать, что оказание услуг по доставке железнодорожных билетов, вовсе не располагает к интимным отношениям. Одна финансовая заинтересованность и ничего более. Бизнес, есть бизнес... – интуитивно добавил я.

– Бабы – дуры! – словно вновь опасаясь куда-то опоздать, или просто остаться не у дел, вставила Лихачёва. – Иван Никанорыч дарит французские духи, а они за ним – хоть в огонь, хоть в воду.

– Потом выбегают из комнаты с растрёпанными волосами и со слезами на глазах... – вновь затянувшись сигаретой, раздражённо вспыхнула Инна Алексеевна. – Мы их только и видели...

В этот раз я уже не сомневался, что она постоянно ревновала Ивана Никаноровича даже к тем женщинам, которые, по той или иной причине находясь в его комнате, вели себя благопристойно и не допускали излишеств.

Глава 6

Я опять набрал несуществующий номер, сделал вид, что разговариваю непосредственно с начальником уголовного розыска, но уже через минуту вежливо извинился и, отключив мобильный телефон, убрал его в нагрудный карман пиджака. Посмотрев на женщин, я огорчённо произнёс:

– Вениамин Данилыч сейчас находится в служебной командировке. У него экстренное совещание в Мончегорске. Попросил, чтобы я сам во всём разобрался. Ближе к вечеру, он будет в Мурманске и обязательно займётся решением вашей проблемы.

– Это важный человек? – спросила Безымянная.

Вместо ответа я глубоко вздохнул и демонстративно закатил кверху глаза.

– Что за вопрос? – возмутилась Лихачёва. – Павел Николаевич сам занимает высокое положение и с рядовым следователем разговаривать не станет.

– Вениамин Данилыч сейчас действительно очень важный человек! – не моргнув глазом, сымпровизировал я. – У меня есть все основания смотреть на него с чувством необъяснимой гордости. Вроде совсем недавно он был у меня на практике. Молоденький стажёр, только что демобилизовавшийся из армии, а теперь заметно возмужал. Зрелый, до неузнаваемости серьёзный мужчина, старший участковый уполномоченный полиции капитан Курдашев.

– Ненужно ничего объяснять, Павел Николаевич! – сказала Лихачёва, непосредственно обращаясь ко мне. – Инна Алексеевна просто не знает вас так хорошо, как знаю я.

Несмотря на её старания представить меня в лучшем виде, Безымянная осталась при своём мнении, о чём красноречиво указывала её саркастическая ухмылка.

– Если на мой счёт у вас есть сомнения, то могу предъявить официальный документ... – блефуя, предложил я.

– В этом нет необходимости, – смутившись, сказала Инна Алексеевна. – Танечка знает что делает. К тому же, она о вас много рассказывала. У неё такие замечательные отзывы, что мне самой захотелось поближе с вами познакомиться.

– Надеюсь, вы не будете разочарованы! – начальственным голосом изрёк я, и тут же добавил: – У вас в квартире совершенно нечем дышать. Такого едкого запаха даже нет на городской свалке. Предлагаю заняться делом...

После того, как обе женщины утвердительно заявили, что у Ивана Никаноровича всегда были при себе крупные деньги, я решил, во что бы то ни стало обследовать его комнату. Во всяком случае, надеялся незаметно для женщин положить в свой карман хотя бы пару тысячных купюр, которые их бывшему хозяину теперь наверняка не понадобятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.